

Глава 4. Могила деда и хитроумная игра

Вечером семья утоляла голод лишь водой. Запасы зерна в доме были строго рассчитаны, и те пять с лишним цзиней, что выделили на затею Ли Цинвэня, пришлось отрывать буквально от сердца — или, вернее, выкраивать из собственных желудков.

Обычно в деревне ложились спать, едва наступали сумерки: так и масло в светильнике целее, и жизнь впереди длинная, во всём бережливость нужна. Но сегодня в восточной комнате дома Ли долго теплился огонек. Семья тесно обступила юношу, расспрашивая о прошлом. Любопытство их было понятно, но ещё больше они хотели, чтобы он побольше говорил — считалось, что так речь быстрее станет отчетливой.

— Я помню, что матушка подшивает подошвы щедрее других, в несколько слоев, оттого её обувь — самая крепкая в деревне... — Ли Цинвэнь говорил медленно, стараясь выговаривать каждое слово. — А отец не берется за громоздкую работу, зато мастерски мастерит изящные вещицы... Братья же с малых лет пеклись обо мне, как о родном дитяти, а невестка наша — первая красавица в своем селении...

Госпожа Цзян, услышав похвалу, зарделась и, смущенно опустив голову, принялась усерднее чинить одежду при свете лампы.

Шестилетний Ли Чжэнлянь, не услышав своего имени, взобрался дяде на колени и, заглядывая в лицо, нетерпеливо спросил:

— Младший дядя, а про меня?

— Про кого угодно забуду, только не про Лян-ляна, — рассмеялся Ли Цинвэнь. — Помню, как ты намочил отцовские штаны, а испугавшись взбучки, подсунул их под зад младшему брату и клялся, что это Мин-эр оплошал...

Заметив, как племянник надулся от обиды, юноша поспешил добавить:

— Но ты не горюй. Говорят, дети, что долго мочат постель, — самыемышлёные. Ты наверняка станешь большим чиновником!

Ли Чжэнлянь тут же просиял:

— Значит, я умнее брата!

В комнате грохнул смех, и Ли Цинвэнь смеялся нетихо вместе со всеми.

— Если так судить, то наш Сынок — самый мудрый на свете! — подхватил Ли Цинхун. —

Несколько дней назад я засиделся допоздна и видел, как он выдал такую «струю», что нас со Сяо Сы чуть из комнаты не вымыло, точно наводнением.

Смех Ли Цинвэня оборвался, точно ему перекрыли горло. Видя его сконфуженный вид, родные расхохотались ещё пуще. Наконец матушка Чэнь, желая выручить сына, сменила тему:

— Цинвэнь, а что ещё тебе снилось в том долгом сне?

— Кроме сахара, было там что-нибудь вкусное? — с надеждой в голосе вставил Ли Цинфэн.

— Много чего, но здесь я такого не приготовлю, — отрезал юноша, решив сразу пресечь мечтания четвертого брата.

Умелая хозяйка не сварит обед без риса, а в доме Ли осталась лишь половина мешка зерна. В распоряжении была лишь глиняная посуда, соль да капля масла — из такого набора деликатесов не наколднешь.

Ли Маосянь поинтересовался, пахнут ли землю люди в его снах.

— Народ во все времена живет плодами земли, без зерна жизни нет, — ответил Ли Цинвэнь. — Только инструменты там чудесные. Лошади и волы им не нужны — машины сами бегут по пашне. Окропят землю особым отваром — и сорняки гибнут, не успев взойти. А когда приходит пора жатвы, по полю идет железный зверь: он и косит, и обмолачивает, и чистое зерно само в мешки сыплется...

Семья слушала его, затаив дыхание.

— Невероятно... — прошептал кто-то. — Вот бы нам так!

Помолчав, Ли Маосянь спросил:

— И что же, при таком изобилии никто не голодает?

— Я... — Ли Цинвэнь едва не проговорился, но вовремя спохватился: — В некоторых местах один му дает больше тысячи цзиней риса, но и там люди порой умирают от голода.

О высокоурожайной кукурузе, батате или картофеле он упоминать не стал — в государстве Великая Лян о них и не слыхивали.

— Тысяча... Тысяча цзиней?!

У всех домочадцев глаза на лоб полезли. В их краях рис не сеяли, но поговаривали, что в южных округах урожай в двести восемьдесят цзиней с одного му считался пределом мечтаний. О тысяче никто и помыслить не смел. На их сухих землях дела обстояли ещё хуже: просо или соя едва давали по сотне цзиней. Гаолян был самым выносливым — на лучших участках при доброй погоде можно было собрать три сотни цзиней, не больше. На вкус он уступал рису и стоил дешевле, зато хорошо утолял голод.

В ту ночь семья Ли спала крепко, убаюканная диковинными рассказами младшего сына.

Утром, закончив с завтраком, Ли Цинвэнь отправился за отцом на косогор за деревней. Там, на склоне, находилось родовое кладбище. Подойдя к могиле деда, он отвесил три истовых земных поклона. Ли Маосянь, человек немногословный, лишь тихо проговорил, обращаясь к холмику:

— Отец, Сынок поправился. Спи спокойно.

Налетел порыв ветра, подняв облако желтой пыли. Ли Цинвэнь зажмурился, чувствуя, как слезы жгут глаза.

— Дедушка, — твердо пообещал он, — как только я заработаю денег, обязательно справлю тебе гроб из лучшего дерева. Ты будешь покоиться с почетом.

Ли Маосянь едва заметно улыбнулся:

— Дед и так будет рад, зная, что ты о нем помнишь.

Закончив обряд, они двинулись обратно. На севере раскинулись поля деревни Тополиной. Дорога здесь была широкой и хорошо утоптанной, земля под ногами казалась твердой, как камень. Ли Цинвэнь приметил ребятишек, которые прутиками чертили на гладкой поверхности узоры: кто-то рисовал цветы, кто-то — просто каракули.

В эту пору у крестьянских детей не было иных забав. В бедных семьях каждую монету берегли пуще глаза, и тратить деньги на игрушки, когда в животах пусто, никто бы не решился.

В своей прежней жизни Ли Цинвэнь нужды не знал. Он рос в небольшом городке, его дед, старый ветеран, обожал возить внука на велосипеде по округе и часто забалтывался с соседями, забывая об обеде. Бабушка-учительница была строгой, но отходчивой: стоило внуку подлизаться, как её гнев сменялся милостью. Родители погибли при исполнении долга, и компенсации вполне хватало на безбедную жизнь, да и соседи по двору всегда помогали сироте.

Вспомнив свои детские сундуки, полные игрушек, Ли Цинвэнь внезапно загорелся идеей. Вернувшись домой, он тут же юркнул в сарай. Поскольку отец был плотником, здесь скопилось немало обрезков дерева разных размеров.

Матушка Чэнь, увидев, как сын вытаскивает деревяшки во двор, предостерегла:

— Сынок, не балуй с отцовскими припасами, они для дела пригодны.

Она вздохнула. Почти весь плотницкий инструмент был продан, и старые заготовки теперь вряд ли дождутся своего часа.

— Матушка, я только посмотрю, — отозвался он, не поднимая головы. — Поиграю немного и всё верну на место.

Ли Чжэнлянь, носившийся с деревенской детворой, увидел дядю и прибежал в облаке пыли.

— Младший дядя, ты что делаешь?

— Мастерю кое-что занятное. Как закончу — дам тебе поиграть.

В это время из дома вышла госпожа Цзянь с узлом грязного белья. Увидев запыленного сына, она возмутилась:

— Снова в грязи валялся?!

— Вовсе нет! — принялся оправдываться малец. — Это всё мальчишки, они специально в меня землей кидали! Матушка, не сердись, я им потом задам трепку!

— Задашь ты им... — Госпожа Цзянь поймала сына за ухо и потащила к дому. — У самого полно озорства в голове, а всё на других валишь! Вот вернется отец, он тебе устроит!

Мальчик взвыл от боли:

— Ой, матушка, полегче! Я же дяде помогаю...

Поймав умоляющий взгляд племянника, Ли Цинвэнь вмешался:

— Невестка, пусть Лян-лян мне подсобит. Я сам его потом почищу.

Госпожа Цзянь понимала, что от сорванца помощи никакой, но раз деверь попросил, она нехотя отпустила ухо сына, решив припомнить ему это позже.

Ли Цинвэнь начертил на земле квадрат, разделив его на клетки, и принялся раскладывать в них деревянные детали. Для самой большой детали подходящего обреза не нашлось, и он поручил

поиски племяннику. Тот долго рылся в куче дров, но так ничего и не нашел. Сообразив, что к чему, малец бросился к Ли Маосяню:

— Дедушка, мне нужна вот такая деревяшка!

Отец, возившийся в огороде, зашел во двор. Внук указал на пустое место в расчерченном квадрате:

— Вот такая, как эта клетка!

Ли Маосянь взглянул на аккуратный чертеж на земле. Это явно не было бесцельной игрой.

— Цинвэнь, что это за штука?

— Это «Хуажундао», игра-головоломка, — пояснил юноша, с надеждой глядя на родителя. — Слышал о такой?

Мужчина покачал головой — ничего подобного он в жизни не видел.

— И как в неё играть?

— Большая плашка сверху — это полководец Цао Цао, — принялся объяснять Ли Цинвэнь. — Вокруг него — пять генералов-тигров, а внизу — рядовые воины. Нужно передвигать их по доске, не перепрыгивая друг через друга. Цель проста: вывести Цао Цао через этот единственный проход в самом низу.

В его прежнем мире эта игра появилась не так давно, а в Великой Лян подобных скользящих головоломок и вовсе не существовало. Если сделать её — это будет нечто совершенно новое. Ли Маосянь не знал никакого Цао Цао, но он быстро уловил суть: на вид всё казалось просто, но самая большая деталь сильно ограничивала маневр. Пройти игру было задачей не из легких — верхняя плашка была куда крупнее остальных!

— Отец, как думаешь, можно такие продавать? — с замиранием сердца спросил Ли Цинвэнь.

Он давно изучил все хитрости этой головоломки. Мастерил он её не для забавы — ему нужны были деньги, чтобы семья перестала ложиться спать с пустыми желудками.

Ли Маосянь замер в раздумье.

— Ты не смотри, что сейчас это просто грубые щепки, — продолжал сын. — Если сделать под них деревянный лоток, вырезать на плашках имена героев или даже нарисовать их портреты,

вещь получится знатная. Да и чтобы победить, нужно сделать немало ходов — тут умом пораскинуть придется.

— Вещь и впрямь любопытная, Цинвэнь. Думаю, на такую найдется покупатель, — задумчиво произнес отец. — Тоже из твоих снов?

Юноша кивнул. Ли Маосянь был человеком опытным, и объяснить ему появление такой диковинки иначе, как вещим сном, было невозможно.

Глава семьи сходил в пристройку за топором, выбрал подходящий брусок и парой точных ударов отсек лишнее. Большая плашка легла в квадрат идеально. Ли Цинвэнь невольно восхитился — такая точность без всяких измерений стоила дорогого.

— Дедушка, а почему ты пилой не воспользовался? — простодушно спросил Ли Чжэнлянь.

Ли Цинвэнь осекся. Из разговоров матери он знал, что инструмент отца, служивший ему долгие годы, был продан. На вырученные деньги накупили яиц и разнесли по всем домам в деревне — как извинение за беспокойство, ведь пока его «звали», соседям нельзя было ни с кем встречаться. Пустые слова мало значат, а подарок делает людей терпимее.

Юноша твердо решил: как только появятся деньги, он обязательно выкупит инструмент отца.

Ли Маосянь продолжал рассматривать деревяшки, не обратив внимания на слова внука.

— Мою пилу дедушка Тань купил, — коротко ответил он.

Ли Чжэнлянь был ещё слишком мал, чтобы понять горечь этих слов, и, потеряв интерес к разговору, принялся двигать деревяшки по земле.

<http://bllate.org/book/15828/1427993>